

Василий БЕЛОВ:

“Я ВЕРУЮЩИЙ И ГРЕШНЫЙ”

В июне я оказался в служебной командировке в древнем и славном городе Вологде, отметившем свое 855-летие. Председатель Смоленского областного отделения Союза писателей России поэт Виктор Смирнов, много лет знакомый с Василием Беловым, сам позвонил Василию Ивановичу домой, в Вологду. Ответила жена Белова, Ольга Сергеевна. Сказала, что Василий Иванович находится на острове Валаам, но должен скоро приехать. Просила перезвонить. И наша встреча состоялась.

Николай ЧЕПУРНЫХ

Василий БЕЛОВ. Да, я только что был на Валааме, в Спасо-Преображенском монастыре. Я там уже третий раз, гостил у архимандрита Панкратия. Какое великолепие — сам монастырь, которому уже несколько веков, природа вокруг монастыря. Это потрясающе! Даже подумываю о том, чтобы поселиться там навсегда. Почему я там был? Потому что я верующий человек. Верующий и грешный.

Николай ЧЕПУРНЫХ. В чем же грех ваш, Василий Иванович?

В.Б. Я был коммунистом, секретарем райкома комсомола, обычным человеком... А как к вере пришел — долгий разговор это. Все русские — христиане, православные...

Н.Ч. А как живете вашим землякам сегодня?

В.Б. Живется очень плохо. Я не знаю, чем всё это кончится. Я не доверяю новым властям. Могут быть снова баррикады, такое ощущение. Понимаете?

Н.Ч. Но ведь чиновники говорят, что мы живем всё лучше и лучше...

В.Б. Да лгут они! Для того, чтобы удержаться у власти... Николай Николаевич, не буду я про них ничего говорить. Пусть делают, что хотят. Но всё кончится плохо. Боюсь, нас опять ждет война.

Полностью публикуется в №8 “ДЛ”

Н.Ч. Гражданская?

В.Б. Я не знаю, какой она будет. Вот, какая война была в Ираке?

Н.Ч. По-моему, захватническая, несправедливая — со стороны американцев.

В.Б. Совершенно правильно. Так вот, и нас хотят захватить. Только по-другому. Сколько населения уже умерло! И мы будем рабами у американцев, если власти так будут вести себя.

Н.Ч. Василий Иванович, в рассказе “Бобришный угор” вы пишете: “Я помню, как судьба вынудила мою мать уехать из деревни в город и как сразу страшен, тягостен стал для меня образ навсегда остывшей родимой печи... на наших глазах, быстро, один за другим потухают очаги нашей деревенской родины”. Но еще более, наверное безрадостная картина складывается сегодня. Из 155 тысяч сел и деревень в России 8% совершенно пусты, а в 22% живут десять и менее жителей. Как сказал поэт Виктор Смирнов в одном из стихотворений: “Деревня стала меньше, чем кладбище...”

В.Б. Ну, вот, видите, какая статистика угрожающая. А что дальше в этих условиях будет — неизвестно. Ведь служить — не то, что воевать — скоро будет некому.

Н.Ч. Ваш отец Иван Федорович сложил голову в Духовщинском районе в сентябре 1943

года — “вернулся-таки к земле, не к родной вологодской, а к смоленской, пусть будет она ему лебяжим пухом”. Вы были на Смоленщине. Отыскали-то могилу отца?

В.Б. Нет, не отыскал. Знаю, что он в одном из трех мест лежит, а где точно — не ведаю. По моим данным, я об этом писал, первая могила была на берегу реки Царевич.

Н.Ч. Василий Иванович, не изменилось ли сегодня назначение писателя: “Звучать, как колокол, на башне вечевой Во дни торжеств и бед народных”, должен ли писатель по-прежнему “глаголом жечь сердца людей”?

В.Б. Безусловно! Назначение писателя в этом и состоит. Другое дело, что одни писатели имеют крепкий талант, у других он послабее, а третьи — и вовсе бездарны. Но тоже считают себя писателями.

Н.Ч. А ведь люди бездарных читают, вот в чем фокус. Они издаются огромными тиражами.

В.Б. Людям немного надо. Многие не задумываются о том, что имеет истинную ценность в жизни, а что — мнимую. Людям надо воспитывать — хорошими книгами, песнями, молитвами. Тем, может быть, и спасемся.

Смоленск—Вологда—Смоленск